

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

КЛАССИК СОВЕТСКОГО ДЕТЕКТИВА

**НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ**

ШАКАЛЫ

**МОСКВА
2017**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Шакалы / Николай Леонов. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Николай Леонов — классик советского детектива).

ISBN 978-5-699-98503-6

Поначалу полковник МВД Лев Гуров не хотел заниматься делом финансового магната Горсткова. Простую задачу — обеспечить безопасность дочери бизнесмена — можно было поручить любому оперу и не беспокоить такого аса московской милиции, как Гуров. Но обычное на первый взгляд дело привело сыщика на самые высокие этажи власти, где коррупция, клановые интересы, непомерные политические амбиции и холодный расчет подготовили почву для преступления иного масштаба. Покушение на жизнь президента страны — а вот это уже уровень компетенции легендарного сыщика...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-98503-6 © Леонов Н., наследники, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

В России каждому известно, что понедельник — день тяжелый. Даже если в рот не берешь спиртного, физически чувствуешь себя превосходно, все равно в первый день недели работать не хочется, что вполне естественно, даже машину, прежде чем ехать, некоторое время прогревают, хотя она и железная. Ну, а коли в выходные было выпито, о понедельнике лучше не говорить. Сам старик Даль таких слов бы не нашел.

Конечно, лучше, чтобы наша история начиналась в другой день, известно, лучший день недели — пятница, но против правды не попрешь. Наступило двадцать второе января, в воздухе мельтешили снежинки, их было немного, вели они себя нерешительно, полагалось бы опускаться на землю, но снежинки никуда не спешили, безмятежно порхали, прилипали к лобовому стеклу автомобиля, люди, у которых автомобиль отсутствовал, поднимали воротники, и именно там, за воротниками, снежинки стремились найти свое последнее пристанище.

Старший оперуполномоченный уголовного розыска полковник Гуров снял короткую дубленку, сильно ударил ею по двери своего кабинета, постучал ногами и переступил порог.

Станислав Крячко, тоже полковник-важняк и друг, уже сидел за столом и якобы писал.

— Добрый день, Станислав, — сказал Гуров, вешая дубленку на угол дверцы шкафа.

— Ты начальник, — Крячко с довольной улыбкой отложил ручку, потянулся, — если этот чертов день изволишь именовать добрым, я согласен.

Гуров еще раз топнул, сбивая снег с ботинок:

— Неужели у двери нельзя положить коврик?

— Воруют, могу украсть у соседей, так ведь если только гвоздями прибить. Тебя Петр просил зайти.

Начальник главка генерал-лейтенант Петр Николаевич Орлов был другом оперативников. Судя по тону Крячко, никакого ЧП не произошло, и Гуров недовольно спросил:

— Не сказал, чего требуется? — Он подошел к своему столу, перевернул листок календаря, на котором был нарисован знак вопроса, попытался вспомнить, что данный знак означает, не вспомнил.

Крячко бросил папку в стоявший в углу сейф, щелкнул замком, подошел к другу, снял с лацкана его пиджака несуществующую пушинку, продекламировал:

— «Как денди лондонский одет...» Идем.

— Тебя тоже звали?

— Нет, боюсь, ты заблудишься.

Кабинет генерала находился через две двери от кабинета сыщиков.

— Когда тебя выгонят из конторы, пойдешь на эстраду, у тебя улыбка естественная, а остроумие там не в моде.

Гуров был старше Крячко на четыре года, выше на полголовы, но Станислав ухитрился смотреть на друга и начальника снисходительно, даже сверху вниз. Гуров был очень талантливый сыщик, но житейски отличался наивностью и полным нежеланием ладить с начальством. Генерал Орлов, хотя и являлся начальником главка, к категории начальников не относился, Гурова понимал, любил, втайне завидовал его простоте в обращении с сильными мира сего. Секрет силы и смелости Гурова был крайне прост: он занимал должность на несколько порядков ниже той, что заслуживал, и ни один министр не мог с сыщиком ничего сделать. Его можно лишь уволить, но такими специалистами не бросаются. Ведь ни один главврач

не уволит уникального хирурга лишь потому, что у него неживчивый характер. А не дай бог, с близким родственником несчастье произойдет или с кем из окружения президента, к кому за помощью кинешься, скальпель доверишь?

— Лев Иванович, прошу, о вчерашней передаче помалкивай, мы менты, политика не нашего ума дело, — сказал Крячко, открывая дверь в приемную Орлова.

Вчера вечером в передаче «Итоги» интеллигентно, но откровенно высекли президента. Уничтожение села Первомайского, где окопались чеченские террористы, удерживающие заложников, обсуждалось в газетах и на телевидении всю неделю, и силовыми министрами называлось операцией по освобождению заложников и расценивалось как безусловный успех федеральных сил и суровый урок генералу Дудаеву. Вчера в «Итогах», когда все сказанное президентом и сделанное военными министрами за минувшую неделю показали и озвучили последовательно, то произошел конфуз. Выяснилось, что президент постоянно говорил глупости и неправду, а многозвездные генералы творили беспредел, совершали преступления.

Крячко прекрасно знал: Гуров тяжело воспринял происшедшее и не преминет свою точку зрения высказать. Если в кабинете, кроме генерала Орлова, никого не будет, то все нормально, пусть Лева что угодно говорит, Петр отмолчится, может сказать, мол, занимайся своим делом, не суй нос куда не положено. Но в кабинете генерала могут находиться журналисты...

— Мальчики! — воскликнула секретарь генерала Верочка. — Вам бы лучше пойти в буфет. Только что пришел Бардин, чудится, разговор проходит на басах.

Генерал-лейтенант Николай Ильич Бардин был заместителем министра, курировал уголовный розыск, ни черта в сыском деле не смыслил, но мужик был приличный, последнее время начал захаживать в кабинет своего подчиненного.

Станислав Крячко высказывал предположение, что зам прячется от прессы, которая осаждает его целыми днями.

— Пойдем от греха! — Станислав подтолкнул друга к двери. — Министр в этом деле увяз, я слышал, как рядовой боец костерил его по «ящику».

— Мы розыскники, к войсковым операциям отношения не имеем, — ответил Гуров. — Верочка, меня вызывали, доложи. Пусть генерал решает, нужны мы ему сейчас или нет.

— Верунчик, не делай этого, — быстро сказал Крячко.

— Полковник Гуров не появлялся? — раздался из динамика голос Орлова.

Верочка нажала кнопку и ответила:

— Полковники Гуров и Крячко только вошли, Петр Николаевич.

— Пусть заходят, — сказал Орлов.

— Ну, пошли, сказал приговоренный, укладываясь на плаху. — Крячко открыл тяжелые двойные двери.

— День добрый, господа генералы, — сказал Гуров, входя в кабинет.

— Здравия желаю, — произнес Крячко из-за плеча друга.

Бардин, как обычно в элегантном штатском костюме, молча кивнул. Орлов привстал из-за стола, протянул подчиненным руку.

— Здравствуйте, присаживайтесь, — и строго взглянул на Гурова, пока тот не успел отправиться на свое любимое место у окна.

Гуров понимающе улыбнулся, сел на один из жестких стульев у стола для совещаний — сыщик не терпел мягкие гостевые кресла. Около месяца назад у него с заместителем министра произошел жесткий разговор, и, несмотря на то, что они симпатизировали друг другу, Бардин с того дня держался с Гуровым отчужденно. Начальник не желал первым делать шаг к примирению, а сыщик на подобные мелочи просто не обращал внимания.

— О политике говорить не будем. — Орлов привычно закрыл лежавшую перед ним папку, отодвинул в сторону, словно очищая место для поля боя.

— Ясное дело, мы не политики, а уголовники, — поддержал начальника Крячко.

— И безопасно, в политике стоит губами шевельнуть, дерьмом захлебнешься. — Гуров вынул сигареты, глянул на Орлова, получив его молчаливое разрешение, закурил. — Министра жалко, вроде стоящего мужика получили, вляпался, теперь нового жди.

Сыщик разговаривал так, словно замминистра в кабинете и не присутствовал. Бардин болезненно поморщился:

— Лев Иванович, вы вроде человек воспитанный.

— Мой отец, между прочим, генерал-полковник, в деревне своими руками сарай строит, — ответил Гуров. — У бати лишний топор, Николай Ильич, всегда найдется.

— Поговорим о деле. — Орлов на секунду прикрыл глаза, вынул из папки конверт, протянул Гурову: — Взгляни, пока ты топор в руки не взял, это по твоей части.

Гуров поднялся, взял конверт, осмотрел, сказал утвердительно:

— Пальцы уже смотрели.

— Наверное, — насмешливо ответил Орлов. — Письмо принес Николай Ильич, получил от адресата.

Конверт был нестандартный, заграничного производства, без марки и почтового штемпеля.

— Люблю анонимки. — Гуров вынул из конверта сложенный вчетверо листок, развернул, посмотрел бумагу на свет, лишь потом прочитал: «Уважаемый Юрий Карлович, поберегите дочь». Подпись была неразборчива, тем не менее Гуров сказал: — Автор — человек смелый, ничего не боится. У Юрия Карловича отец немец? И кто он такой, Николай Ильич?

— Горстков, — ответил Бардин. — Горстков Юрий Карлович на сегодняшний день в России финансист первой величины. Очень порядочный человек.

— Сам признался? — безразлично спросил Гуров, протянул письмо Станиславу, который взял конверт, не открывая, положил на угол генеральского стола.

— Я вас за год с лишним узнал достаточно, — сказал Бардин. — Потому не вызвал, а пришел сам, прошу отнестись к делу серьезно.

Неожиданно в разговор вмешался Крячко:

— Мы люди серьезные, господин генерал-лейтенант, на нас бессмысленно оказывать давление. Если Петр Николаевич приказывает, а Лев Иванович может приказ выполнить, мы расшибемся, но расстараясь. Я не читал, но, как понимаю, здесь угроза либо предупреждение. Горстков не просто финансист, мультимиллионер, он фигура политического окраса, пусть им занимается соответствующая спецслужба.

Бардин поднялся, кивнул Орлову:

— Извините, Петр Николаевич. — И вышел из кабинета.

— Станислав, черт тебя подери! Бардин замминистра, пришел за помощью, на самолюбие наступил! — повысил голос Орлов. — Чего тебя понесло, меру надо знать!

— Когда президент влезает в дерьмо, так элитные подразделения в чистом поле расстреливают! — начал было Гуров.

— Молчать! — Орлов шарахнул кулаком по столу. — Вы офицеры, существует субординация! — Он передохнул, потер ладонями лицо. — Черт меня дернул дружить с вами!

— Черт тебя дернул двадцать лет назад, — спокойно ответил Гуров. — Ты тогда не был большим генералом. А приказать ты тогда мог и сегодня можешь. Ты прикажешь, мы будем выполнять, согласно субординации. Это дело личное? — Он указал на конверт, кивнул Крячко. — Прочти, хотя там ничего нет нового. Если бы такую бумажку получил зачуханный инженер, то дежурный по отделению милиции выбросил бы ее в мусорную корзину.

— Юрий Карлович Горстков финансирует предвыборную кампанию одного из кандидатов на пост президента...

— Я понял, Петр Николаевич, — перебил Гуров, — но должен соблюдаться хотя бы элементарный порядок. С подобными угрозами обязана разбираться служба безопасности, а не милиция. Петр Николаевич, дорогой мой, я не

характер выказываю, а чертовски не хочу лезть в политическую драку.

Гуров смотрел на друга проникновенно, старался говорить как можно мягче, но фразы получились у него рубленые, резкие.

— Я тебя прошу, объясни Бардину, что это не наше дело, по-доброму объясни, ты умеешь. Мы же к этой среде и агентурных подходов не имеем, и подвести некого.

— Понимаю, ты прав, — тихо ответил Орлов. — Но Николай Ильич не от хорошей жизни сюда пришел. И дело не в том, что он наш шеф, мне выслуживаться поздно. Так что, мальчики, прекратим дискуссию, забирайте конверт, занимайтесь. Ты, Лева, навести Горсткова, потолкуй, как ты умеешь, а Станислав займется дочкой — где она учится, круг общения, прочее. Удачи, вы свободны.

Гуров созвонился с финансистом, который пригласил сыщика в офис, но полковник предпочитал разговаривать в домашней обстановке, о чем и заявил со свойственной ему прямоотой.

— Вообще-то я дома не принимаю, — ответил Горстков.

Гуров молчал, рассчитывая, что человек сам сообразит, что слово «принимаю» к данному случаю не подходит. И Горстков опомнился, быстро заговорил:

— Извините, заработался, давайте пообедаем где-нибудь.

— Спасибо, я предпочитал бы разговаривать в вашем доме, — сказал Гуров. — Желательно, чтобы и дочка ваша присутствовала.

— Юлия? Сожалею, но ее нет в Москве. Я отправил ее за пределы, думаю, так будет разумнее.

— Возможно, — согласился Гуров, которому нравился мягкий, уверенный голос собеседника. — Диктуйте адрес, назовите удобный для вас день и час.

— Сегодня, — не задумываясь, ответил финансист. — Сейчас взгляну, что у меня на вечер... Так, это можно отменить. Девятнадцать часов вас устроит? — И назвал адрес.

— Договорились.
— Прислать машину?
— Можно, — согласился Гуров, не любивший ездить вечером по незнакомому маршруту. — К министерству, в восемнадцать тридцать.

Он положил трубку, взглянул на сидящего напротив Крячко, сказал:

— Твоя пассия где-то загорает, папаша упрятал подальше от греха. Голос у мужика хороший, но видится мне, что он маленький, в очках, подкаблучник, нашего возраста. Вторая жена, высокая, надменная красавица, капризная дочь, которая не работает, не учится, ищет себя в этой жизни, пока бездумно тратит папины деньги.

— Чего злишься? — удивился Станислав. — Девицы в Москве нет? Прекрасно. Я наше бумажное хозяйство пока разберу, все руки не доходят.

— Писать никто не любит, а я так терпеть не могу. — Гуров открыл сейф, бросил на стол папку, на которой было написано «Разное». — Поработаем до шести, потом ты отправишься домой, а я неизвестно куда и зачем.

Даже талантливый сыщик — лишь человек, порой тоже ошибается. Гуров описал Горсткова, жену, их дом с точностью до наоборот. Единственное, что он угадал, так это шикарную иномарку — просторный «БМВ», и охранника, молчаливого жилистого парня лет тридцати. Жил миллионер не в пригороде в шикарной вилле, а в переулке у проспекта Мира, в довольно затрапезном доме, подъезд которого не только не охранялся, но и одна из дверных створок просела, скособочившись.

Гуров обил с ботинок снег о щербатую ступеньку крыльца, спросил стоявшего за спиной охранника:

— А новые петли поставить сил нет?

— У меня другая профессия. — Парень потянул скрипнувшую дверь, пропуская Гурова на плохо освещенную лестницу.

Рядом с лестницей имелся узкий проход, упирающийся в облезлую дверь, видимо, дворницкую либо подсобку, где хранились лопаты, метла и прочая хозяйственная утварь. Гуров отшвырнул ногой пустую бутылку, шагнул к двери, она оказалась запертой, но замок был несерьезный — защита от пацанов младших классов. Гуров осмотрел грязный пол, пыльную лампочку, молча прошел к лифту.

Охранник позвонил явно условным образом, Гуров прикрыл ладонью дверной глазок, но открыли сразу и ничего не спрашивая.

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста, — хозяин скуппо улыбнулся.

Он был выше Гурова, тяжелее килограммов на десять, может, и более, в костюме, белой рубашке и галстуке.

— Добрый вечер, Юрий Карлович. — Гуров пожал широкую мощную ладонь, взглянул хозяину в лицо, решил, что ему около пятидесяти и в молодости он увлекался спортом, возможно борьбой, и прошел в квартиру.

В прихожую вошла крупная, еще красивая женщина, примерно ровесница мужа.

— Здравствуйте, здравствуйте. — Она радушно улыбалась, одета была со вкусом, но просто, по-домашнему. — Очень приятно, я Нина Дмитриевна, знаю, что вас зовут Лев Иванович, проходите в кабинет, я пока накрою. Вы борщ любите?

— Спасибо, Нина Дмитриевна. — Гуров прошел за хозяином довольно узким коридором в просторную комнату, обставленную добротной, отнюдь не модной и не шикарной мебелью.

— Располагайтесь, курите. — Хозяин подвинул к краю стола массивную пепельницу, открыл встроенный в книжные полки бар. — Что предпочитаете? Хотя выбор у меня не шибко богатый.

— Я пока воздержусь. — Гуров сел на стул с обтянутым кожей сиденьем и высокой прямой спинкой. Этот стул и остальная обстановка напоминали сыщику кабинет отца —

все основательно, прочно. Ничего лишнего. Огромный письменный стол, два кресла и диван кожаные, далеко не новые, возможно, старинной работы, позже реставрированные. Всего два телефонных аппарата, тоже не новомодные. На приставном столике компьютер, но явно не как дань моде, просто рабочий инструмент, а у одного из двух окон мощный фикус, который стоял на полу и подпирался здоровенной палкой.

Хозяин налил себе граммов сто водки, кивнул, молча выпил, закусил долькой лимона.

— Появится желание — не стесняйтесь, — он указал на бар и сел за стол, с неприязнью глядя на лежавшие бумаги, сложил их в кожаную папку, спросил: — Лев Иванович, вы считаете угрозу реальной?

— Я профессионал, Юрий Карлович, но человек, а не провидец. Просчитать ситуацию невозможно, не хватает информации. — Гуров смотрел в глаза хозяина, пытаясь разобраться, насколько искренен сидящий за столом человек.

— Вы меня в чем-то подозреваете?

— Большой, возможно достаточной, информацией обладаете вы и ваша дочь, — ответил Гуров, игнорируя вопрос хозяина. — Я еще не передавал записку графологам, но даже моих скромных знаний в данной области достаточно, чтобы предположить, что автор — мужчина с сильным уравновешенным характером. Автор не вашего окружения, полагаю, он человек военный, скорее всего офицер контрразведки.

— И все это вы выяснили на основании написанных человеком нескольких слов? — Горсткову было не смешно, однако он улыбнулся.

— Все это очень просто. — Гуров долго мял сигарету, наконец закурил. — Все сказанное мной достоверно, если сама записка не является фальсификацией.

— Не понял. Какой фальсификацией?

— Возможны варианты. Различные варианты. Например, вы никакого письма не получали, написали его сами.

— Вы понимаете, что говорите?..

— Фу! — Гуров выпустил сильную струю дыма. — Меня постоянно обвиняют в том, что я чего-то не понимаю. Совершенно справедливо, я не понимаю множества вещей. Но в своей профессии я человек не последний. Юрий Карлович, вы богаты?

— Что? — Хозяин опешил. — В наших кругах подобный вопрос просто неприличен.

— Тогда и решайте свои проблемы в ваших кругах. Сейчас вы разговариваете с ментом. Я сыщик, у меня свои понятия о приличии. Какую сумму вы можете выложить на стол через два-три дня.

— Я могу выписать чек. — Горстков понял мысль сыщика и рассмеялся. — Вас интересует, сколько я могу заплатить за свою дочь? Много, практически все. Но мои капиталы не так просто превратить в наличность, тем более в Москве.

— Конкретно, Юрий Карлович.

— Конкретно... — Хозяин прикусил ноготь большого пальца, задумался. — Люди очень не любят платить наличные деньги. Я могу ошибиться, думаю, что за два-три дня я миллионов пять долларов собрать сумел бы.

— Чертовски много. — Гуров покачал головой. — Следовательно, похищение вашей дочери с целью получения выкупа — вещь реальная.

— Юлия без охраны нигде не бывает.

— Юрий Карлович, вы меня удивляете, а вид у вас такой умный.

— Внешность бывает обманчива. — Горстков улыбнулся через силу.

— Вы бы дверь в подъезде распорядились починить да лампочки вымыть.

— Прошу к столу, кушать подано, — сказала хозяйка, появляясь в комнате.

Стиль убранства, обстановка, сервировка стола, да и сам обед были выдержаны в духе дома и никак не соответствовали представлениям Гурова о жизни и быте миллионеров. Большая, не заставленная мебелью столовая, массивный,